

Можно, конечно, предполагать, что относительно стройная глагольная система рассказа Татищева есть отражение такой же глагольной системы какого-то позднего списка летописи. Но вряд ли это так. Письменные документы вплоть до XVII в. дают самый разнородный и противоречивый материал.

Позволим себе думать, что Татищев, желая сделать понятным и доступным свой текст, упрощает язык летописи, унифицирует глагольную систему. К аористу же обращается как ко времени, легко воспроизводимому и наиболее понятному, с тем чтобы передать колорит древнего наречия.

Что касается местоимения «яз», то оно не может быть важной приметой древности текста, использованного Татищевым, потому, что, как показывает сравнение с летописью, оно употреблялось Татищевым и на месте местоимений «аз», «я», и, наоборот, летописное «яз» заменялось у Татищева формами «аз», «яз». Кроме того, появившееся «яз» в «Истории» не обязательно ведет к тексту XII в., когда «яз» наиболее активно употреблялось. Это местоимение встречается и в XVI в. в сочинениях И. Пересветова, например в «Сказании о книгах, о Магмете-Салтане и о царе Константине»: «А яз им своя святыни не выдал на поругание: видите есть знамя мое святое небесное, иже яз всю свою святыню... к себе в небо взял, доколе будет мое милосердие святое опять во Иерусалиме и в Цареграде».⁴¹

Итак, подводя итог беглому обзору некоторых языковых черт рассказа Татищева в сравнении с летописным, можно сказать, что если приведенные здесь факты представляются неубедительными для подтверждения наших положений о характере работы Татищева с летописным текстом, то во всяком случае они и не противоречат им.

Исследовав текст «Истории Российской» таким образом, о котором здесь шла речь, приходим к выводу, что в качестве источника для рассказа «Истории» был использован список *E*₂ (который в своей сюжетной части и по характеру освещения событий не отличался от текста *E* списка), с дополнениями по Радзивиловской летописи.

Летописный рассказ получил у Татищева тенденциозную обработку, так как его главная задача была не только историческая, но и философско-нравственная.

Можно сказать, что на историческом материале Татищев создавал своеобразный этический кодекс, затрагивая вопросы о том, как должно поступать, каким правителем должно быть, примеру каких людей должно следовать.

И в этом смысле «Историю Российскую» можно рассматривать не только как произведение, отразившее «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», но и как произведение, обращенное к настоящему и будущему. Интерес «Истории» к прошлому с точки зрения задач настоящего исторического момента и составляет неопределенное достоинство «Истории Российской», благодаря которому Татищев, ученый XVIII в., предстает не просто как переписчик летописей, а как смелый создатель исторического труда с определенным политическим смыслом.

С точки зрения просветителя и моралиста Татищев судил о событиях XII в., извлекая из исторических фактов материалы для дидактических выводов. Естественно, он необходимо должен был прибегнуть к расширению текста, введению рассуждений, комментариев. В таком

⁴¹ Сказание о книгах, о Магмете-Салтане и о царе Константине. — В кн.: А. А. Зимин и др. Сочинения И. Пересветова, М.—Л., 1956, стр. 223.